

ИЗ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ

DOI 10.22455/2541-8297-2018-7-349-357

УДК 821.161.1

А.М. Панченко. Лекция о Ломоносове

А.В. Кулагин

Аннотация: Публикуется текст лекции выдающегося учёного, академика Александра Михайловича Панченко (1937–2002) о поэзии Ломоносова, прочитанная на филологическом факультете ЛГПИ (ныне — РГПУ) имени А.И. Герцена в 1985 году. Фигура Ломоносова рассмотрена в лекции в историко-культурном контексте: обозначены истоки творчества поэта, его связь с барочной традицией, влияние немецких авторов, особенности версификации.

Ключевые слова: Ломоносов, ода, контекст, барокко, версификация.

Информация о публикаторе: Анатолий Валентинович Кулагин, д.ф.н., профессор Государственного Социально-гуманитарного университета, Коломна, Россия. E-mail: kula-mariya@yandex.ru

Настоящая публикация подготовлена на основе конспекта фактически не одной, а двух лекций о творчестве Ломоносова, прочитанных выдающимся литературоведом и культурологом Александром Михайловичем Панченко (1937–2002) на филологическом факультете Ленинградского госпединститута (ныне – РГПУ) имени А.И. Герцена 18 и 25 марта 1985 г. А.М. Панченко, работавший в Пушкинском Доме и специализировавшийся в области древнерусской литературы и русской литературы XVIII в., был приглашён тогдашним заведующим кафедрой русской литературы Н.Н. Скатовым прочесть курс истории русской литературы XVIII в. в связи с тем, что постоянно читавший этот раздел В.А. Западов находился на стажировке. Я был в ту пору аспирантом этой кафедры и, как большинство моих однокашников, посещал лекции известного учёного, для тогдашней «герценовской» молодёжной филологической среды бывшего фигурой, как сейчас говорят, культовой. На фоне идеологизированного советского литературоведения Панченко смотрелся как личность очень неортодоксальная, самобытная; его идеи казались порой спорными, но они никогда не были скучными. Научные труды и лекции филолога увлекали остротой — лучше сказать, заострённостью — научной мысли, прихотливостью ассоциаций, выявлением подспудного актуального смысла в явлениях прошлого и исторического смысла — в явлениях настоящего. Он не замыкался в сугубо литературоведческих рамках и, казалось, легко заходил на территорию смежных наук, превосходно

передавал культурно-психологическую атмосферу эпохи, о которой вёл речь, обращаясь даже к историческим анекдотам (читатель заметит это и в публикуемом тексте). И внешне он производил необычное впечатление: высокая, крупная фигура; глуховатый, как бы «нутряной» голос; ненавязчивая, но при этом очень убедительная, «профетическая» интонация; «настоящая» окладистая борода (а не интеллигентская бородка); часы на цепочке в жилетном кармане... Было видно, что это не поза, не «игра в историю», а сущность человека. Казалось, он пришёл откуда-то из глубинного прошлого – то ли из девятнадцатого века, то ли вовсе из допетровской Руси, из времён Грозного или Аввакума...

В постперестроечное время, в 90-е гг., Панченко получил возможность выступать на телевидении и стал широко известен как популяризатор русской истории и культуры. Сегодня уже не раз переизданы его избранные работы. Личности учёного и его трудам посвящён специальный сборник, выпущенный его коллегами по Пушкинскому Дому¹. Цель же данной публикации – приоткрыть ту грань его деятельности, которая в силу самой своей специфики, относительной камерности, известна менее всего. Это – педагогическая работа. Надеюсь, что публикуемый текст лекции, в который я включил ссылки на упоминаемые лектором работы, может быть полезен преподавателям и студентам как пример адаптации научного материала (в частности, статьи Л.В. Пумпянского «Ломоносов и немецкая школа разума» (см. сноску 5), как раз незадолго до того опубликованной; опора на неё в лекции особенно ощутима), а возможно – и исследователям русской литературы XVIII века. Во всяком случае, он дополняет единственную специальную (популярную) работу Александра Михайловича о Ломоносове, опубликованную в дни юбилея поэта², примерно через полтора года после той лекции, которую, как и весь лекционный курс профессора Панченко, мне посчастливилось услышать и записать.

В памяти нации есть события-символы и люди-символы; к числу последних относится и Ломоносов. Национальная память как бы ваяет эти фигуры, отсекая слабости (например, Ломоносов не всегда был прав в своём русизме, порой поступался историческим материалом). Ломоносов – символ пансофии, всеобщей мудрости, которую искали и ищут люди. Удивляться тогдашнему энциклопедизму вроде бы и не стоит: было иное, чем сейчас, разделение наук. Музыка, например, считалась числовой наукой. И всё же Ломоносов – гений, которому всё подвластно. Г.А. Гуковский и П.Н. Берков сравнивали его с человеком Возрождения³. Но в Ломоносове не было того, что

¹ См.: А.М. Панченко и русская культура: Исследования и материалы / Отв. ред. С.А. Кибальник и А.А. Панченко. СПб., 2008.

² См.: *Панченко А.* Сын Отечества // Лит. газ. 1986. № 47, 19 нояб. С. 3

³ См.: *Гуковский Г.А.* Русская литература XVIII века: [Учебник]. М., 1998. С. 100 (впервые издан в 1939 г.); *Берков П.Н.* Проблема литературного направления Ломоносова // *Берков П.Н.* Проблемы исторического развития литератур: Статьи. Л., 1981. С. 202 (работа 1962 г.).

А.Ф. Лосев называл обратной стороной титанизма (дьявольщина, страсти, выплеснуть которые позволил Ренессанс...).

Некоторая идеализация Ломоносова мешает правильно его понять. Между тем у него была бурная юность, не помешавшая, однако, образованию. Он ещё в холмогорский период своей биографии был знаком с основными принципами философии, этики, науки. Затем была учёба в Москве и в Германии, где Ломоносов освоил стереотип университетской студенческой жизни (бурши). В России подобного стереотипа не было – разве что бурса могла претендовать на такую роль. В Германии же устраивались студенческие застолья, обязательно с песней. Ломоносов был не только участником этой культуры в Германии, но и создателем её в России. Он полюбил немецкую культуру, особенно – поэта Гюнтера. В «Оде... на взятие Хотина» заметна ориентация на оды Гюнтера. Гюнтер, умерший в 1723 г., – тоже энциклопедист. Он учился на врача, а стал поэтом. Бродяга, пропойца, человек богемный и умерший в бедности, кумир студентов, хотя студенты – бюргеры, а бюргеры презирали Гюнтера. Но другое дело – бюргерская *молодость*... Гюнтер – плебей с честолюбием, и Ломоносову это было близко. Он нашёл себе кумира по социальной горизонтали. У Гюнтера он нашёл и поэтические мотивы любви к науке, жажды славы. Знаменитая строка «Науки юношей питают» – прямой перевод из Гюнтера («Музы вознаграждают своих детей»).

В Москве в ту пору было известно такое поэтическое течение как силезское барокко (назову хотя бы Кульмана, заполонившего мистическими стихами Немецкую слободу и сожжённого в 1689 г. русским правительством как еретик). Но Гюнтер – поэт уже школы разума, близкой к Просвещению и классицизму. В его стихах нет барочной отягощённости деталями. Между тем, пристрастие Ломоносова к поэзии Гюнтера не означало отказа от барочной традиции, выразившейся у русского автора в тенденции к маринизму (от фамилии итальянского поэта Марíно), с присущим этому течению концентизмом (или, по Ломоносову, «сопряжением далековатых идей»). Марино был проповедником сенсуализма в поэзии: он полагал, что чувство питает интеллект, а зрение есть перст души, которым она касается внешнего мира. Маринизму присуща гипертрофия изобразительности и слуха. Поэт слушает музыку мира, которая претворяется в музыку души. Стих, согласно этому поэтическому учению, должен быть музыкальным.

Всё это есть и в поэзии Ломоносова – как и в поэзии Гюнтера, снисходительного к своим литературным противникам (то есть к ма-

ринизму) и оттого чуткого к их опыту. В ломоносовской брачной оде 1745 г. звучит мотив брака как возвращения в Эдем, в райский сад, поэтому барочная изобразительность здесь уместна.

Ломоносов ознакомился с немецкой версификацией и пытался приспособить её к русской, сделать тем самым шаг вперёд. В 1739 г. он прислал в Петербург, в Академию наук, «Письмо о правилах русского стихотворства», вызвавшее возражения Тредиаковского. Ломоносов (как и Тредиаковский) считал, что версификация должна соответствовать языку, но он не отказывается напрочь от заимствования (см. ниже). Он принимал идею стопы Тредиаковского, но возводил её в абсолютный принцип; отвергал примат женской рифмы, признавая мужскую и дактилическую; приложил к трактату практическое воплощение теории – «Оду на взятие Хотина». Ломоносов в теории предлагал различные размеры, но основными в его практике были четырёхстопный ямб (в одах) и александрийский стих (в «письмах» и «надписях»).

Ломоносов считал, что у каждого размера есть свой семантический ореол: ямб, как бы взлетающий вверх, от безударного к ударному слогу, органичен для героических од, хорей – для элегических стихов; в этом он ошибался. Но четырёхстопный ямб в самом деле стал «героическим» и вообще основным размером русской поэзии (Державин, Пушкин...). Его кризис выражен в пушкинском «Домике в Коломне»: «Четырестопный ямб мне надоел». Но кризис наступил лишь на время. Этот размер никуда не исчезает. Видимо, восьмисложник – наиболее приемлемый для декламирующей стихи размер: от выдоха до вдоха расстояние примерно в восемь слогов. Между тем, этот размер русской поэзией заимствован: все главные немецкие (и вообще европейские) оды написаны именно им.

Ломоносов вернулся в Петербург в 1741 г., при Анне Леопольдовне, и попал в среду академиков-немцев. Она ему была и близка и чужда одновременно. В неё входили и поэты. Вообще поэзия этого времени – это поэзия прежде всего Академии наук: здесь выделяются фигуры Юнкера (Ломоносов был знаком с ним по Германии) и Штелина (будущего биографа Ломоносова). Ломоносов поселяется в так называемом Боковом доме на Васильевском острове. Ему свойственны немецкий стиль поведения, привычки бурша, плебея (Штелином записаны анекдоты Ломоносова). Однажды на Большом проспекте на него напали разбойники – и он с ними справился. Одному из академиков грозил «поправить зубы»...

От живших в Петербурге немецких поэтов Ломоносов перенял ритуал прочтения оды. Для немцев-академиков, озабоченных ка-

рьерой, комплиментарная ода была своего рода службой. Но для Ломоносова она не является проявлением раболепия и сервиллизма. В 1742 г. он переводит оду Юнкера на коронацию Елизаветы «Венчанная надежда...» К этому времени засилье немцев при дворе было уже позади; Юнкер и другие немцы боялись за свою судьбу. Но в этой оде – не только повышенная комплиментарность, но и защита наук, некая общая точка зрения Академии наук (ода, видимо, обсуждалась в Академии). Елизавета не жаловала науки, не была «философом на троне», предпочитала маскарады, наряды (в её гардеробе было пятнадцать тысяч платьев)... Но она была всё же одной из лучших правительниц XVIII в. – например, дала слово не применять смертную казнь.

Поэты, воспевавшие цариц, обычно обыгрывали значение их имён: София – *премудрая*; Анна – *благодать, блаженство*; у Ломоносова Елизавета – *тишина*⁴. Поскольку адресатом оды является женщина, ода должна быть эротически окрашена (об этом писал Л.В. Пумпянский⁵). Так будет не только у Ломоносова, но и у Державина в «Фелице» и даже у Гоголя в «Ночи перед Рождеством».

В немецкой сервильной поэзии звучал мотив защиты наук. Ода Ломоносова тоже – цивилизаторская; комплименты императрице – это комплименты покровительнице цивилизации. В одах Ломоносова постоянно возникает тень Петра, которого сам поэт никогда не видел, зато видел (в дни пребывания царя на Севере) его отец.

Судьба од Ломоносова не была счастливой. В эпоху Пушкина шёл спор об их ценности. Сам Пушкин относился к ним скептически, зато архаисты ценили высоко. «... в оде поэт бескорыстен», – замечал Кюхельбекер в 1824 г.⁶ Вообще-то за оду полагалось вознаграждение, и в этом смысле поэт небескорыстен (бытовал анекдот о Ломоносове, зачерпывающем медь ковшом и идущем в кабак). Может быть, он бескорыстен потому, что не ищет славы? Нет: ни один одописец не был герметическим поэтом. Тынянов в статье «Ода как ораторский жанр» анализирует оду как явление не столько собственно поэзии, сколько красноречия. В «Поэтиках» XVI–XVIII вв. имелся раздел «Сильвии», относящийся и к риторике, и к поэзии. Не случайно Ломоносов «Поэтику» всё же не написал, а написал «Риторику», полагая, что его эпоха – это прежде всего эпоха риторики.

⁴ В реальности имя *Елизавета* в переводе с иврита означает «заклинающая Бога».

⁵ См.: Пумпянский Л.В. Ломоносов и немецкая школа разума // XVIII век: Сб. 14. Л., 1983. С. 25–26.

⁶ Кюхельбекер В. О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие // Кюхельбекер В.К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979. С. 454.

Так в чём же заключается бескорыстие одического поэта? В попытке – несмотря на очевидный элемент субъективности – дать объективную оценку деятельности монарха и вообще политической жизни эпохи. В одах Ломоносова нельзя «прочесть» его биографию, в них очень мало биографических реалий. То же можно сказать о Василии Петрове; в меньшей степени – о Державине. У Ломоносова «я» и «мы» взаимозаменяются свободно. Поэт – глашатай национальных и поэтических идей. Каких именно?

Во-первых, идея *translatio imperii* («странствие», переход власти). Даже наша современная история «строится» по царствам. Идея «Москва – третий Рим» в петербургский период (а Ломоносов был первым поэтом петербургского периода нашей истории) не «замечается», но в национальном сознании постоянно присутствует. Имперская идея предполагает пространственный размах. Ломоносов первым из одических поэтов выразил идею российского пространства – «от... и до...» Дело здесь не в оппозиции по отношению к раздробленной Германии. Идея пространства имеет древнерусские корни. Например, в «Слове о полку Игореве» ярко выражен географический «полёт». Ломоносов не читал «Слова...», зато читал другие древние тексты. Важно в его оде и представление о времени, которое воспринимается как циклическое («колесо фортуны») и комуляционное (направленность времени) явление.

Во-вторых, идея *translatio studii* (переход знания, обучения). Пётр взял титул императора, исходя из понимания того, что высший промысел избрал наконец Россию. Политическому переименованию предшествовала лихорадочная научная деятельность (основание Академии наук и тому подобные шаги). Так вот, согласно указанной выше идее, Минерва – богиня мудрости – обходит все нации; музы – странствующие дамы. При Петре они переселились в Россию. В «Оде на день восшествия... 1747 года» сказано, что музы переселились в ту страну, которая сейчас обладает силой и возглавляется монархом-демиургом и монархом-меценатом: «Послал в Россию Человека, / Каков не слыхан был от века»; «Тогда божественны науки / Чрез горы, реки и моря / В Россию простирали руки...» Но Пётр умер: «И Музы воплем провожали / В небесну дверь пресветлый дух». Музы, однако, смутились: туда ли они попали? Но деятельность Екатерины I, Петра II, Анны и, наконец, Елизаветы есть продолжение деятельности Петра I.

В-третьих, идея *emulation* (соревнования). Каждая страна имеет шанс стать прибежищем муз. Но во вращении «колеса фортуны» есть опасность: можно оказаться в арьергарде. Значит, нужен посто-

янный труд. Ломоносов в оде 1747 г. пишет и об этом, вспоминая о времени Екатерины I и противопоставляя Петербург Парижу: «Ах, если б жизнь её продлилась, / Давно б Секвана постыдилась / С своим искусством пред Невою!» С этим связана и тема молодости нации, её естественного роста, вызванного развитием наук и языка.

В-четвёртых, идея *furor divinus* (божественного безумия) и близкого ему *furor poeticus* (поэтического безумия). Ломоносов настаивает на этой идее: «Священный ужас мысль объемлет»; «Восторг внезапный ум пленил, / Ведёт на верх горы высокой...» То есть – творить можно в состоянии экстаза. В этом проявляется ориентация не на ветхозаветного Бога, а на античных богов и титанов, на оппозицию хаоса и космоса. Поэт подобен Богу тем, что он превращает хаос в космос. Отсюда – присущее ему довоображение, или совоображение, которое Ломоносов считал (см. его «Риторику») важнейшим стилевым принципом оды, противопоставляя его силлогизму. Этого не мог принять Сумароков, осмеивавший в своих «вздорных» одах ломоносовскую манеру. В этом смысле Ломоносов – наследник барокко, о чём писал в своё время А.А. Морозов.⁷ Согласно барочным представлениям, поэт – второй Бог. Он создаёт мир из небытия. Естественно-научные занятия Ломоносова-поэта укрепляли его в этой мысли. Поэтому Пушкин не прав, называя его стихотворство «должностным упражнением» («О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И.А. Крылова»). Научные занятия есть наблюдения над хаосом и попытки перевести его в состояние гармонии. Ломоносов занимал в поэзии позицию исследователя, своего рода законодателя. Когда он изображает царя меценатом, он имеет в виду, по большому счёту, только одного Петра и как бы подменяет его собой, ставит себя на его место. Он, будучи поэтом и учёным, тоже конструирует космос.

Этот путь не мог быть перспективным, хотя многие поэтические находки Ломоносова в русской поэзии остались и укрепились (например, мотив географической протяжённости России в пушкинском стихотворении «Клеветникам России»; уже упоминавшийся нами четырёхстопный ямб как основной стихотворный размер...). Поэзия как общегосударственное дело может развиваться в эпохи государственного же становления (как это будет и в советскую эпоху, сделавшую акцент на «мы», на коллективное начало). Но впереди было осознание лирической природы поэзии в том смысле, что она станет выражением частной жизни. Уже Сумароков почувствует, что

⁷ См.: Морозов А.А. Ломоносов и барокко // Русская литература. 1965. № 2. С. 70–96.

время программных од уходит; не случайно он выступит как автор песен (хотя и оды у него есть).

Ломоносов выразил поэтический восторг молодой нации, молодой культуры. Он – поэт елизаветинского века. При Екатерине он уже только доживал. Она его недолюбливала – возможно, за распри с немцами; уволила в отставку с половинным жалованьем (и с «утешительным» возведением в чин статского советника; он был до этого момента коллежским советником), но тут же спохватилась. При Екатерине действовал принцип: на крупных постах должны быть крупные люди (он действовал частично и при Александре I и окончательно сошёл на нет при Николае I). Ей подсказали, что Ломоносов – крупный человек. Она вернула его на службу, даже посетила лично. Благочестивый анекдот об этом посещении («Нет, не перо, а сердце моё писало» – с пафосом говорит Ломоносов императрице о своей оде в её честь) записан С. Глинкой со слов княгини Дашковой⁸. Но быть сервильным автором Ломоносов не мог – он обладал «благородной упрямкою». Ломоносов поднял русского поэта из социального ничтожества (в каком-то пребывал, например, Третьяковский) и сделал его общественной фигурой.

⁸ См.: Глинка С. Записки. М., 2004. С. 271.

Литература

Морозов А.А. Ломоносов и барокко // Русская литература. 1965. № 2. С. 70–96.

А.М. Панченко и русская культура: Исследования и материалы / Отв. ред. С.А. Кибальник и А.А. Панченко. СПб.: Пушкинский Дом, 2008. 432 с.

Панченко А. Сын Отечества // Литературная газета. 1986. № 47, 19 нояб. С. 3

Пумпянский Л.В. Ломоносов и немецкая школа разума // XVIII век. Сб. 14. Л.: Наука, 1983. С. 3–44.

References

Morozov A.A. Lomonosov i barokko [Lomonosov and Baroque]. *Russkaia literatura*, 1965, no. 2, pp. 70–96. (In Russ.)

A.M. Panchenko i russkaia kul'tura: Issledovaniia i materialy [A.M. Panchenko and Russian culture: Studies and materials], eds. S.A. Kibal'nik, A.A. Panchenko. St. Petersburg, Pushkin House Publ., 2008. 432 p. (In Russ.)

Panchenko A. Syn Otechestva [Native Son]. *Literaturnaia gazeta*, 1986, no. 47, Nov. 19, p. 3. (In Russ.)

Pumpianskii L.V. Lomonosov i nemetskaia shkola razuma [Lomonosov and the German school of reason]. *XVIII vek* [18th century], issue 14. Leningrad, Nauka Publ., 1983, pp. 3–44. (In Russ.)

A.M. Panchenko. A lecture on Lomonosov

Anatoly V. Kulagin

Abstract: The published lecture was delivered by an outstanding scientist, academician Alexander Panchenko (1937–2002) at the Philological Faculty of Leningrad State Pedagogical Institute (now the Herzen State Pedagogical University of Russia) and is devoted to Lomonosov's poetry. Lomonosov is considered in historical and cultural context: the origins of the poet's creative works, his connection with the baroque tradition, the influence of German authors, aspects of versification.

Keywords: Lomonosov, ode, context, baroque, versification.

Information about the publisher: Anatoly Kulagin, Doctor Hab. of Philology, Professor at the State Social and Humanitarian University, Kolomna, Russia.
E-mail: kula-mariya@yandex.ru